
Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г.

Валерий Кружинов, Зинаида Сокова

Multi-party socialist authorities in the Urals in the autumn of 1917

Valeriy Kruzhinov, Zinaida Sokova
(both – Tyumen State University, Russia)

Падение Временного правительства и образование на II Всероссийском съезде Советов большевистского Совнаркома (СНК) придали особое звучание поискам альтернативных правительственных комбинаций, с которыми связывались надежды на ослабление политической конфронтации и достижение гражданского консенсуса – непреложных условий выхода страны из всеобъемлющего кризиса. Центральное место в реализации этих планов заняли переговоры об однородном (многопартийном) социалистическом правительстве, проходившие в последние дни октября – начале ноября 1917 г. в Петрограде.

Инициированные Всероссийским исполнительным комитетом союза железнодорожников (Викжель) и поддержанные левыми течениями в меньшевистской и эсеровской партиях и большевиками переговоры об однородном социалистическом правительстве вызвали широкий резонанс во многих регионах страны. Своё отношение к ним высказали организации политических партий и профсоюзы, органы местного самоуправления, Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты. Одновременно в Астрахани, Екатеринбурге, Иркутске, Курске, Перми, Рязани, Симбирске, Смоленске, Тамбове, Томске, Туле, Уфе и других городах возникли городские или губернские органы коалиционной власти с участием большевиков и умеренных социалистов, свидетельствовавшие о популярности идеи многопартийного социализма, её позитивном потенциале.

Несмотря на обширную историографию революции 1917 г. в российских регионах, эти события не получили адекватного отражения в трудах историков и в лучшем случае представлены фрагментарными сведениями, которые мало что решают в плане целостного и системного понимания проблемы. В предлагаемой читателю статье история органов многопартийной социалистической власти исследуется на материалах Урала, где тенденция к компромиссу между враждовавшими социалистическими группировками проявилась в больших масштабах, чем на неудачных переговорах в Петрограде, и привела к образованию коалиционных властных структур в девяти городах региона. Сравнительный анализ обстоятельств их возникновения, функционирования, а затем ликвидации необходим для воссоздания целостной картины формирования послеоктябрьского политического пространства и места в этом процессе региональных институтов.

* * *

1917 г. стал переломным в истории России. Многочисленные противоречия, назревавшие в ней на протяжении десятилетий и до предела обострившиеся в результате трёх лет мировой войны, поставили страну на грань национальной

катастрофы и привели к резкой поляризации общественных настроений. На этом фоне всё большую популярность среди рабочих и солдат завоевывал большевистский лозунг «Вся власть Советам!», ориентированный на радикальное изменение всей политической системы снизу доверху и привлекавший массы бескомпромиссностью в отношении буржуазии, в которой виделась основная причина тяжёлого положения народа. На Урале к концу октября 1917 г. этот лозунг поддерживали около половины Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в том числе 11 из 15 окружных, объединявших большинство рабочего класса¹ и солдат региона².

Наряду с усилением большевистских позиций ускорились размежевание в рядах меньшевистской и эсеровской партий (левые течения которых выступили против коалиции с либералами, предлагая создать широкий революционный фронт социалистических партий, нацеленный на изоляцию «соглашателей», «бежавших от власти как чёрт от ладана»), завоевание Советов и образование однородного социалистического правительства с участием большевиков³.

На Урале вопрос о таком правительстве (выдвинутом Советами и ответственном перед ними) впервые был поставлен в начале мая 1917 г. екатеринбургским Советом рабочих и солдатских депутатов. По предложению группы левых меньшевиков он осудил вхождение лидеров меньшевистско-эсеровского блока во Временное правительство, призвав «товарищей рабочих, солдат и крестьян по-прежнему сплываться вокруг своих Советов» и «готовиться к переходу власти в руки представителей революционной демократии»⁴.

Эта тенденция продолжала нарастать летом, достигнув наивысшего уровня в дни корниловского выступления, когда резолюции в поддержку создания многопартийного социалистического правительства приняли II Пермская губернская конференция ПСР, съезды Советов Уфимской губернии, Глазовского и Камышловского уездов, Советы Екатеринбурга, Невьянска, Уфы, Челябинска и других уральских городов. Для реализации этого требования предлагалось срочно созвать Всероссийский съезд Советов, который, как подчёркивалось в резолюции Уфимского городского Совета, «только один может осуществить программу революционной демократии»⁵.

Такой взгляд на происхождение и задачи однородного социалистического правительства, хотя и не был идентичен большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!», так как не ставил вопрос о замене старого аппарата управления новым, советским, но и не противоречил ему, выдвигая Советы (хотя бы до созыва Учредительного собрания) на роль главного арбитра, определяющего судьбу России. В этом контексте он разделялся представителями умеренного крыла в ЦК РСДРП(б) (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и др.), многими руководителями региональных большевистских организаций, в том числе на Урале (Н.Н. Крестинский, Л.С. Сосновский, И.Я. Тунтул и др.), рассматривавшими Советы в качестве своеобразной «коммуникативной площадки» для консолидации «революционной демократии России» с целью завоевания власти⁶.

¹ Обухов Л.А. Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 62.

² Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трёх революциях. Саратов, 1983. С. 62.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 246–247.

⁴ Уральская правда. 1917. 7 мая.

⁵ Известия Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 сентября.

⁶ Уральская правда. 1917. 7 июня.

Непременным условием такой комбинации, которую при определённых условиях не отрицал и В.И. Ленин, считался отказ большевиков от попыток свержения Временного правительства вооружённым путём. Однако если для умеренных большевиков интерес к однородному социалистическому правительству оставался неизменным на протяжении всего 1917 г. и даже усиливался, то «умеренность» Ленина, напротив, носила импульсивный характер и в середине сентября окончательно сменилась требованием организации вооружённого восстания, «не теряя ни минуты»⁷.

Причины поворота Ленина к революционному насилию не раз обсуждались в исторической литературе и в данном случае вряд ли заслуживают специального анализа. В то же время на одно обстоятельство, обычно ускользающее из поля зрения исследователей, думается, указать следует. После корниловского выступления, когда доверие масс к либералам упало до самого низкого уровня, голоса в поддержку однородного социалистического правительства, ранее звучавшие прежде всего на левом фланге меньшевиков и эсеров, стали раздаваться также в рядах их центристски настроенных однопартийцев и даже правее. Это особенно проявилось в ходе подготовки Демократического совещания, когда при обсуждении вопроса о принципах формирования Временного правительства нового состава многие организации меньшевиков и эсеров, в том числе на Урале (Екатеринбург, Кизеловские копи, Нижний Тагил, Пермь, Уфа, Чусовской завод и др.), высказались за отстранение кадетов от участия в коалиции, обвинив их в поддержке корниловцев.

Однако в отличие от левого крыла меньшевистско-эсеровского блока (выступавшего за создание однородного социалистического правительства под эгидой Советов) его центр отводил решающую роль в этом процессе Учредительному собранию, органам местного самоуправления, кооперативам и другим общественным объединениям, которые опирались на более широкую социальную базу и находились под влиянием умеренных социалистов, а не большевиков.

О масштабах нарастания этой тенденции на Урале свидетельствует проведённый нами анализ материалов эсеровских газет Екатеринбург («Вольный Урал»), Камышлова («Заря народоправства»), Перми («Народная воля») и Уфы («Земля и воля») за сентябрь–октябрь 1917 г. Из опубликованных в них 17 статей и резолюций, выражавших отношение к идее однородного социалистического правительства, лишь 2 связывали его происхождение с Советами, тогда как остальные – с Учредительным собранием. Одновременно поменялась оценка Советов, которые начали ассоциироваться с деструктивными силами и, по словам корреспондента газеты «Народная воля», «не могут брать на себя прав и полномочий государственной власти», поскольку превратились в «классовые организации» и «придаток политических партий», чьи представители «составляют большинство в советских исполкомах»⁸.

На схожих позициях находилось большинство меньшевистских организаций Урала, исходивших из того, что «Советы сыграли свою роль и теперь умирают»⁹, а передача им власти будет означать «конец революции»¹⁰. Как и правые эсеры, «фундамент благополучия трудового народа» меньшевики видели

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 239–247.

⁸ Народная воля. 1917. 19 октября.

⁹ Пермская жизнь. 1917. 20 сентября.

¹⁰ Там же. 20 октября.

в органах местного самоуправления и иных «демократических объединениях», чью «волю объявит Учредительное собрание»¹¹.

Такое понимание природы однородной социалистической власти отодвигало Советы на периферию политической жизни и ассоциировалось в представлении большевиков, особенно их крайне радикального крыла во главе с Лениным, с продолжением старого курса на сотрудничество с буржуазией. Причём ближайшие события только подтвердили это положение: состоявшееся 14–22 сентября 1917 г. Демократическое совещание отклонило декларацию большевистской фракции, призывавшую умеренных социалистов порвать с «цензурной буржуазией», и образовало новое Временное правительство с участием кадетов, введя представителей буржуазии в состав созданного на совещании Предпарламента.

В результате к октябрю 1917 г. стороны пришли не только без единой концепции однородного социалистического правительства, но и с таким грузом разногласий, что преодолеть их в условиях социального взрыва и крушения послефевральских институтов государственной власти, если и было возможно, то, скорее всего, на основе признания революционно-октябрьского пути развития революции. Ему в большей мере соответствовал «просоветский» вариант однородной власти левых меньшевиков и эсеров, чем «антисоветский» — из центристов и правого крыла.

Эти обстоятельства существенно повлияли на предоктябрьскую тактику уральских большевиков. В развёрнутом виде она была изложена в статье Г.И. Сафарова «Булыгинская дума», напечатанной 18 октября 1917 г. в газете Уралобкома РСДРП(б) «Уральский рабочий». В ней говорилось, что Демократическое совещание и Предпарламент не выражают интересов народа и разрыв с ними является необходимым предварительным условием, которое позволит на II Всероссийском съезде Советов добиться перехода власти к Советам. «Столбовая дорога революции, — резюмировал автор, — идёт не через коалицию, а через классовую борьбу, не через предпарламентское сотрудничество классов, а через решительное столкновение их, не через Предпарламент, а через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Статья Сафарова представляет интерес ещё и потому, что в ней высказывалось мнение одного из руководителей уральских большевиков по проблеме сотрудничества социалистических партий в борьбе за советскую власть и радикальные преобразования. Не возражая в принципе против союза с «промежуточными» силами, автор скептически оценивал их революционный потенциал и полагал, что «последовательную революционную политику может вести только партия большевиков». Претензии на особое место РСДРП(б) в советской системе власти ощущались также в большевистской резолюции, принятой 15 октября на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Екатеринбургского округа. Она призывала к образованию «сильного революционного правительства», способного реализовать лозунги «единственно революционной партии пролетариата и беднейшего крестьянства — партии большевиков»¹².

В преддверии II Всероссийского съезда Советов подобные заявления (нередкие в те дни) звучали весьма симптоматично, отражая как нараставшую в большевистской партии нетерпимость к возможным союзникам по революционной власти, так и затухавшую, но всё ещё сохранявшуюся надежду на компромисс с ними при определённых условиях.

¹¹ Народная воля. 1917. 23 сентября.

¹² Уральский рабочий. 1917. 18 октября.

В большевистских «верхах» вторая тенденция проявилась наиболее рельефно в позиции Каменева, пытавшегося на переговорах под эгидой Викжеля найти «промежуточную» формулу однородного социалистического правительства, которая вобрала бы в себя сильные стороны «просоветского» и «антисоветского» вариантов, что расходилось с доминирующими в партии настроениями. Возникший на этой почве конфликт принял настолько острые формы, что привёл к выходу Каменева и его сторонников из ЦК РСДРП(б) и Совнаркома.

Как показали последующие события, демонстративная отставка оппозиционеров лишь укрепила позицию крайних радикалов в большевистском ЦК и не встретила поддержки на нижних этажах партии, где была воспринята как серьёзное нарушение партийной дисциплины и шаг к расколу. На Урале с резкими заявлениями в адрес «дезорганизаторов» выступили екатеринбургская городская конференция большевиков, собрание мотовилихинской организации РСДРП(б), конференция союза рабочей молодёжи Екатеринбурга. Каменева и других сторонников умеренной тактики обвиняли в том, что они «покинули свой пост, на котором им должно как вождям стоять твёрдо и смело», в «трусости и паникёрстве». После подобных деклараций обычно ставился вопрос об их пребывании в партии¹³. В результате внутрипартийная оппозиция оказалась в изоляции и уже через несколько дней признала собственное поражение¹⁴.

Капитуляция лидеров умеренного крыла большевистской партии оказала существенное влияние на перспективы создания однородной социалистической власти на Урале, где эта идея, особенно в первые послеоктябрьские дни, пользовалась немалой популярностью. Здесь только в первой половине ноября 1917 г. было принято 32 резолюции с требованием создания однородного социалистического правительства, с которым связывались надежды на ослабление политической конфронтации (14 резолюций), преодоление экономической разрухи и социального раскола (9), прекращение мировой войны (5)¹⁵. В поддержку переговоров в Петрограде выступили Пермский губернский комитет ПСР, эсеровские и меньшевистские организации Алапаевска, Верхотурья, Екатеринбурга, Камышлова, Тюмени, Челябинска, Уфимское губернское совещание Советов, съезд Советов крестьянских депутатов Пермской губ., Советы рабочих и солдатских депутатов Воткинска, Глазова, Сарапула, Нижней Салды, многие органы местного самоуправления.

Не исключали «мягкого» варианта выхода из политического кризиса и уральские большевики, реакция которых на октябрьское восстание в Петрограде была отнюдь не столь единодушной и восторженной, как традиционно изображается в литературе. «В большевистском штабе, — вспоминал позднее член Уралобкома РСДРП(б) В.А. Воробьёв, — шли горячие споры. Одни не верили в возможность поражения революции и настаивали на самой активной

¹³ Там же. 16, 19 ноября; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 41, оп. 2, д. 343, л. 13.

¹⁴ Правда. 1917. 8 ноября; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 154.

¹⁵ Подсчитано по: *Обухов Л.А.* Указ. соч. С. 71; Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 — май 1918): Сборник документов и материалов. Уфа, 1979. С. 22–23; Вперёд! 1917. 3, 7 ноября; Вятская речь. 1917. 11 ноября; Елабужская рабочая газета. 1917. 20 ноября; Заря народоправства. 1917. 8, 13 ноября; Зауральский край. 1917. 12, 17, 21 ноября; Кама. 1917. 16 ноября; Камская волна. 1917. 11 ноября; Кунгурский листок. 1917. 7 ноября; Народная воля. 1917. 6, 8, 13 ноября; Народная свобода. 1917. 6 декабря; Уральская жизнь. 1917. 7, 15 ноября; Уральский рабочий. 1917. 7, 10, 18 ноября; Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее — ЦАОО РБ), ф. 2, оп. 1, д. 32, л. 67; ф. 1832, оп. 2, д. 40, л. 20 об.; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 340, л. 11.

политике, другие допускали возможность победы Керенского, но сдаваться ему без боя не хотели. Были и такие, которые предлагали, не выжидая даже хода событий, сложить оружие, считая, что петроградцы слишком зарвались вперёд, что массы ещё не достаточно созрели для осознания пролетарской революции и активной борьбы за неё». Причём, подчёркивал Воробьёв, обсуждение всех этих предложений велось «самым активным образом»¹⁶.

Поскольку протоколы заседаний Уралобкома РСДРП(б) тех дней не сохранились (или не велись вообще), у исследователей нет возможности персонифицировать возникшие разногласия в полном объёме. Тем не менее имеются веские основания полагать, что когда из-за саботажа чиновников и служащих, поддержавших Временное правительство, Екатеринбург оказался на несколько дней отрезанным от внешнего мира и местные большевики не располагали достоверной информацией о положении в Петрограде, особый вес здесь приобрели сторонники умеренной тактики, считавшие, что единственный шанс защитить и сберечь завоевания революции – однородная социалистическая власть.

В этом ключе следует, в частности, рассматривать заявление Сосновского, избранного 25 октября председателем екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. На следующий день, выступая на заседании Совета с информацией о событиях в Петрограде, он высказался за единство действий всех социалистов и предложил «забыть прежние раздоры и объединиться в одно целое для предстоящей работы»¹⁷. Причём призыв Сосновского отражал не только его личное мнение, как полагают отдельные исследователи¹⁸, но совпадал с настроениями многих депутатов-большевиков, преобладавших в Совете¹⁹. В этом убеждает последующая позиция Совета: провозгласив себя единственной властью в городе, он через несколько дней, 31 октября, передал её специально созданному Комитету народной власти, в который, как предполагалось, должны были войти представители всех социалистических партий, екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, уральского областного Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и кооперативов²⁰.

Наши расчёты позволяют в общих чертах определить политико-идеологические позиции и партийный состав комитета, из 19 членов которого шестеро (Л.И. Вайнер, П.Л. Войков, Н.Н. Крестинский, И.М. Малышев, Г.И. Сафаров, И.Я. Тунтул) являлись большевиками. В нём также состояли два меньшевика, бундовец, три эсера, в том числе два левых, и беспартийные (по крайней мере, один из них, П.П. Браницкий, примыкал к большевикам). Ещё в большей мере большевики были представлены во Временном бюро комитета, где заняли три места (П.Л. Войков, Н.Н. Крестинский, И.Я. Тунтул) из шести. Остальными членами Бюро стали П.П. Браницкий и левые эсеры М. Зайде и С.М. Стриженов²¹.

¹⁶ Цит. по: *Моисеев С.* К истории Октябрьской революции на Урале // Уральский коммунист. 1929. № 20. С. 34.

¹⁷ Уральская жизнь. 1917. 28 октября.

¹⁸ См., например: *Моисеев С.* Указ. соч. С. 35; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. Свердловск, 1974. С. 299.

¹⁹ Из 339 депутатов екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов 219 (64,6%) являлись большевиками (Уральский рабочий. 1917. 28 октября).

²⁰ Уральская жизнь. 1917. 7 ноября; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 340, л. 11.

²¹ Рассчитано по: *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928. С. 29; Уральская жизнь. 1917. 7 ноября; Государственный архив Свердловской области, ф. 62, оп. 2, д. 20, л. 1, 2; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 322, л. 176–177.

Учитывая, что на состоявшихся 5 ноября выборах в екатеринбургскую городскую думу входившие в комитет партии получили в общей сложности 69% голосов избирателей (в том числе большевики — 46%)²², такой состав нового органа власти следует признать достаточно представительным и в основном соответствующим расстановке политических сил в городе. При этом все участники коалиции признали октябрьские события в Петрограде «не большевистским мятежом, а народным восстанием»²³.

В значительной степени столь радикальная позиция комитета объясняется тем, что главными (но, разумеется, не единственными) партнёрами екатеринбургских большевиков в нём являлись местные эсеры, городская организация которых тяготела к левому крылу ПСР и в основном поддержала решения II Всероссийского съезда Советов. Кроме того, по ряду принципиальных вопросов с большевиками солидаризировались представители меньшевиков и беспартийные члены комитета. В этом отношении екатеринбургская коалиция являла собой пример сотрудничества крупных политических сил, опасавшихся создания единого антибольшевистского фронта, и в основном совпадала с макетом однородной власти, который с весны 1917 г. обсуждался на левом фланге меньшевистско-эсеровского лагеря.

Зададимся, однако, вопросом: была ли у большевиков Екатеринбурга возможность удержать власть, опираясь исключительно на поддержку Совета, в котором, как уже указывалось, они преобладали? Осознавая, что корреляционный анализ подобной ситуации во многом может носить гипотетический характер, авторы данной статьи, тем не менее, не исключают, что при развитии событий по такому сценарию вероятность победы большевиков в Екатеринбурге по-прежнему оставалась достаточно высокой. Об этом свидетельствуют и весьма благоприятные для них результаты выборов в городскую думу, и продолжавшийся рост популярности партии среди рабочих и солдат города, и падение влияния её основных оппонентов, и ряд других обстоятельств.

В то же время нельзя не признать, что попытки установить власть большевистского Совета «во что бы то ни стало», вероятнее всего, оттолкнули бы вправо левых эсеров и меньшевиков и спровоцировали на более решительные действия открытых противников левых радикалов, чья активность в связи с Октябрьским восстанием в Петрограде, поставив перед местными большевиками и без того немало острых проблем, вызывала серьёзные опасения. В конце концов, следование этим курсом привело бы к дальнейшему нарастанию конфронтации в городе с перспективой перерастания её в вооружённую борьбу между сторонниками и противниками нового режима.

Тем не менее было бы ошибочно преувеличивать объединительный потенциал Комитета народной власти, образование которого лишь ослабило, но не ликвидировало антибольшевистскую оппозицию. Против комитета выступали не только местные либералы и ориентировавшиеся на них «буржуазные» организации, чей электорат был достаточно широким (на выборах в екатеринбургскую городскую думу он составил 28% избирателей)²⁴, но и правые эсеры, а также правые меньшевики и энесы, рассматривавшие новый орган как «прикрытие большевистской диктатуры»²⁵. Повод к этому давали и наиболее радикальные представители большевиков, не скрывавшие, что «нисколько не обольщают себя на счёт жизненности

²² Уральская жизнь. 1917. 10 ноября.

²³ Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.

²⁴ Там же. 11 ноября.

²⁵ Уральская жизнь. 1917. 14 ноября; Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.

нового учреждения» и пошли на его образование «лишь в силу необходимости, не отказываясь от своего лозунга “Вся власть Советам!”»²⁶.

В свете таких заявлений нетрудно заметить двусмысленность положения, в котором оказывалась большевистская организация Екатеринбургa, с одной стороны, призывавшая все социалистические группировки к сплочению, а с другой — оставшаяся верной революционной программе своей партии, если и допускавшей возможность компромисса с умеренными социалистами, то при условии признания ими приоритета советской системы власти. Неудивительно, что в глазах оппонентов комитета — правых эсеров и правых меньшевиков — такие требования казались неприемлемыми. В этом смысле «умеренность» екатеринбургских большевиков представлялась им не более чем «ловушкой» и, кажется, кроме подозрений, не вызвала никаких ассоциаций.

Другой вопрос, требующий дополнительной «расшифровки», связан с причинами ликвидации Комитета народной власти и отношением к этому его участников. Касаясь первой части данной проблемы, большинство исследователей обычно обращают внимание на неудачу переговоров о многопартийном социалистическом правительстве в Петрограде, считая, что именно она в первую очередь повлияла на тактику екатеринбургских большевиков. «Политика компромисса в Екатеринбурге, — пишет Л.А. Обухов, — в тех условиях долго продолжаться не могла. Идея однородного правительства очень быстро потерпела крах в центре, стороны заняли враждебные позиции по отношению друг к другу. Это, безусловно, сказалось и на местах»²⁷.

Однако, если применительно к другим регионам данное рассуждение и не лишено оснований, то в отношении Екатеринбургa вряд ли приемлемо. Ведь созданный здесь комитет почти наполовину состоял из большевиков и левых эсеров (хотя, повторимся, ещё из центристски настроенных меньшевиков, эсеров-центристов, представителя Бунда, беспартийных, часть которых тяготела к умеренным социалистам), не отрицавших необходимость совместных действий. За приглашение левых эсеров в СНК, как известно, высказывались даже самые непримиримые большевики, в том числе и Ленин. Кроме того, к большевистско-левоэсеровскому блоку в комитете примыкали некоторые беспартийные, гарантировавшие леворадикальную направленность этого органа. Поэтому утверждение о невозможности сколько-нибудь длительного сотрудничества этих сил в Екатеринбургe нуждается либо в расширенной аргументации, либо в существенных коррективах. Второй вариант представляется нам наиболее плодотворным, поскольку с ликвидацией Комитета народной власти большевистско-левоэсеровская коалиция в городе не только не распалась, а, напротив, окрепла.

Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: негативное отношение екатеринбургских большевиков к переговорам под эгидой Викжеля обнаружилось не тогда, когда идея многопартийной социалистической власти «потерпела крах в центре», о чём пишет Обухов, а чуть ли не на следующий день после их начала. Так, при первых известиях о переговорах в газете «Уральский рабочий» появилась статья «Однородное министерство», где говорилось, что лозунг однородного социалистического правительства в том виде, как он трактуется правыми меньшевиками и эсерами, «имеет определённое классовое содержание и отражает колебания мелкой буржуазии». «Такое министерство, даже если оно и образуется в результате бесконечных переговоров, — отмечалось далее, — будет

²⁶ Вольный Урал. 1917. 3 ноября; Уральский рабочий. 1917. 1 ноября.

²⁷ Обухов Л.А. Указ. соч. С. 68.

кратковременным перемирием и, разумеется, шагом назад от советской власти. Оно не будет решением вопроса, но отсрочкой этого решения, ибо нельзя общественные классы, пришедшие в движение, привести к молчанию»²⁸. Поэтому, не возражая против включения в СНК представителей левых течений в рядах меньшевиков и эсеров, находившихся на платформе II Всероссийского съезда Советов, руководители екатеринбургских большевиков скептически отнеслись к перспективам такого сотрудничества с их правым флангом²⁹. Ситуация в Екатеринбурге полностью вписывалась в данную схему и не представлялась им отличной от партийной линии на переговорах с Викжелем. Отсюда становится понятным, почему, выступая против многопартийного социалистического правительства с участием всех социалистических группировок «от большевиков до энесов», они не связывали этот вопрос с Комитетом народной власти, который по своему составу был куда более радикальным.

Основной «недостаток» комитета видится авторам не в его «партийной физиономии», а следовательно, и не в «политике компромисса» с левым крылом умеренных социалистов, которая будто бы «долго продолжаться не могла» (Обухов), а в практически полной его зависимости от исполкома екатеринбургского Совета, из членов которого было сформировано даже Временное бюро комитета, а решения последнего осуществлялись через советский аппарат. Иными словами, комитет был придатком екатеринбургского Совета. Но если в тревожной обстановке, сложившейся в городе после первых сообщений о большевистском восстании в Петрограде, передача власти комитету, хотя во многом и формальная, в той или иной мере всё же позволяла нейтрализовать враждебные большевизму силы, то по мере укрепления позиций большевиков и ускорившегося размежевания в рядах эсеров и меньшевиков надобность в комитете отпадала. На это обстоятельство как на главное указывалось, кстати, и в извещении Комитета народной власти о его самороспуске³⁰.

В сложившихся условиях среди большевистских руководителей в Екатеринбурге начались дебаты относительно времени и форм ликвидации Комитета народной власти. Так, по мнению Ф.И. Голощёкина, участвовавшего в работе II Всероссийского съезда Советов и накануне отъезда из Петрограда на Урал обсуждавшего положение в регионе с Лениным, это следовало сделать как можно скорее. Другие, в частности Сосновский, опасались, что с роспуском комитета ситуация в городе может вновь обостриться, и предлагали не форсировать события³¹. В середине ноября 1917 г. этот вопрос даже рассматривался на заседании большевистской фракции екатеринбургского Совета, однако какого-либо решения принято не было³².

Между тем на волне своих первых триумфов над противниками советская власть получила ощутимую поддержку среди рабочих и солдат Екатеринбурга. За короткий срок они приняли множество резолюций, выражавших доверие Совету и признававших Комитет народной власти «до тех пор, пока последний идёт в контакте с исполкомом Совета». Особенно непримиримо были настроены

²⁸ Уральский рабочий. 1917. 2 ноября.

²⁹ Там же. 7 ноября.

³⁰ Вольный Урал. 1917. 20 ноября.

³¹ РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 377, л. 105, 109.

³² Уральский рабочий. 1917. 16 ноября.

солдаты 10-й роты 108-го полка, отказавшиеся признать «тяжёлое ярмо» комитета и продолжавшие считать Совет единственной властью в городе³³.

Не учитывать такие настроения ни сторонники «постепенной» тактики, ни тем более их оппоненты, конечно же, не могли. 16 ноября этот вопрос обсуждался на заседании исполкома екатеринбургского Совета. Там было принято решение о проведении 21 ноября вооружённой демонстрации всех советских сил – «Дня Совета»³⁴, что, по существу, означало передачу вопроса о роспуске комитета на усмотрение «низов», ответ которых, как и следовало ожидать, оказался не в его пользу. Неудивительно, что уже 22 ноября комитет объявил о самоликвидации, и вся власть в городе вновь перешла к екатеринбургскому Совету³⁵.

Такая развязка имела важные политические последствия. В обстановке, когда правые эсеры и меньшевики по-прежнему отказывались признать советскую власть и бойкотировали работу Совета, он превратился в полную «вотчину» большевиков, и проблема сотрудничества этих политических сил отпала сама по себе.

К тем же результатам пришли, в конце концов, и сторонники однородной власти в Уфе. Здесь, как и в Екатеринбурге, местный Совет первоначально взял власть в свои руки. Для управления Уфимской губ. им был создан Революционный комитет в составе пяти большевиков и двух левых эсеров³⁶. Однако, получив известия о переговорах под эгидой Викжея, большевики Уфы согласились на реорганизацию нового органа с преобразованием в «контролирующий». В губернии сохранялась власть губернского комиссара Временного правительства, отстранение которого от должности было признано «нецелесообразным».

Взвешивая шансы такой модели власти, нельзя не признать, что в той конкретно-исторической ситуации она, несомненно, была ближе к демократическим формам государственности и в любом случае являлась менее разрушительной, чем установленная в Петрограде или Москве. В то же время было бы утопично ожидать от неё чудесного разрешения всех жгучих проблем местной жизни. Причём дело не только в том, что их, по-видимому, нельзя было решить «в одном городе». Важнее другое: достигнутый в Уфе компромисс, по существу, являл собой попытку вырваться из революционных катаклизмов, которые развивались в силу своих внутренних закономерностей и могли быть усилены или ослаблены, но не остановлены по желанию той или иной партии или группы партий.

В этих условиях властная комбинация, сложившаяся в Уфе, оказалась непрочной и недолговечной. Сохранение местных органов Временного правительства вызывало протесты «низов», требовавших ликвидации двоевластия и передачи всей полноты власти Советам. Такие резолюции были приняты на собраниях рабочих-деревообделочников, солдат местного гарнизона, ряда южноуральских заводов. На этом фоне в Уфимской организации РСДРП(б) (прежде всего в её рабочей части) нарастала радикальная тенденция, сторонники которой требовали от интеллигентских «верхов» «действовать смелее», опасаясь, что «рабочие и солдаты не простят нам такие колебания»³⁷. Под их давлением позиция ревкома ужесточилась, и 19 ноября он отстранил губернского комиссара от управления губернией и взял курс на единовластие Советов³⁸.

³³ Борьба большевиков Урала за победу Октябрьской социалистической революции: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 231; Уральский рабочий. 1917. 11 ноября.

³⁴ Уральский рабочий. 1917. 21 ноября.

³⁵ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 7–8.

³⁶ Октябрь в Башкирии... С. 22–23.

³⁷ Моисеев С. Указ. соч. С. 35–36; За власть Советов. Уфа, 1961. С. 30.

³⁸ ЦАОО РБ. ф. 1832, оп. 2, д. 40, л. 20 об.

Попытки создания однородной социалистической власти предпринимались и в других городах Урала — в Алапаевске, Глазове, Ижевске, Камышловe, Кунгуре, Осе, Перми. За исключением Алапаевска и Глазова участие большевиков в таких коалициях определялось относительной слабостью местных организаций РСДРП(б), опасавшихся, что в открытой борьбе за советскую власть они не только не добьются победы, но и утратят уже завоеванные позиции. Так было в Перми, где, в отличие от Екатеринбурга и Уфы, в окружном и городском Советах преобладали меньшевики и эсеры. В ответ на большевистское восстание в Петрограде они создали Революционный комитет, куда вошли по три меньшевика, эсера и большевика. Предполагалось, что он не будет касаться политических проблем и ограничит свою деятельность вопросами местного самоуправления. Однако по мере того, как советская власть, утвердившись в Петрограде, всё более демонстрировала неприятие противников большевистского режима, позиции сторон в комитете ужесточились и вышли за рамки первоначальной договорённости. В конце концов, после принятия СНК декрета о печати меньшевики и эсеры предложили большевикам его осудить. Те же, в свою очередь, отказались солидаризироваться с большинством комитета и 1 ноября вышли из него³⁹.

Последняя попытка создания однородной социалистической власти на Урале (да, пожалуй, и во всей России) была предпринята в конце ноября 1917 г., когда правые эсеры Перми предложили организовать Народный совет по управлению Пермской губ. в составе 25 человек. Пять мест в нём отводилось Пермскому губернскому совету рабочих и солдатских депутатов, пять — Пермскому губернскому совету крестьянских депутатов, по пять — органам местного самоуправления и профсоюзам, по одному — представителям эсеров, большевиков, меньшевиков, энесов и плехановской группы «Единство». Народный совет должен был выполнять функции «губернского парламента», сместить комиссара Временного правительства и создать новый орган исполнительной власти в губернии⁴⁰.

В целом предложения пермских эсеров совпадали с моделью однородной социалистической власти, выдвигавшейся меньшевистско-эсеровским центром ещё в период подготовки Демократического совещания. Неудивительно, что большевиками они были отвергнуты как «контрреволюционная затея» и попытка создать «ублюдочный орган с искусственно подобранным соглашательским большинством»⁴¹.

Таким образом, попытки реализовать идею многопартийной социалистической власти на Урале закончились неудачей. Причины такого финала обусловливались многими обстоятельствами. В условиях глубокого социального раскола и межпартийной вражды поиски властных комбинаций, предпринятые большевиками и их оппонентами, носили импульсивный характер, отягощались отсутствием единой концепции многопартийной социалистической власти, сталкивались с противодействием противников компромисса, давлением агрессивно настроенных социальных «низов» и разлагающейся армии. Это во многом предопределило дальнейшую эскалацию российского политического процесса, придав ему ожесточённые, перерастающие в гражданскую войну формы. В этой междоусобице большевики и умеренные социалисты оказались по разные стороны баррикад.

³⁹ Народная воля (Пермь). 1917. 30 октября, 3 ноября.

⁴⁰ Там же. 28 ноября.

⁴¹ Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.